

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ НА ОТДЫХЕ В КОКТЕБЕЛЕ

АЛЕКСАНДР ЛАВРОВ
(Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)

17 сентября 1915 г. В. Ф. Ходасевич побывал в гостях на подмосковной даче поэтессы Л. Н. Столицы, отмечавшей свои именины. Сопровождавшая его жена, Анна Ивановна Ходасевич, вспоминает:

День был яркий и теплый. Поужинали, изрядно все выпили, в комнате было душно. Владя вышел на балкон и в темноте шагнул с балкона на землю, а балкон был почти на втором этаже. Он не упал, но встал так твердо, что сдвинул один из спинных позвонков. Вскоре у него начались боли в спине, и после долгих исследований выяснилось, что у него начался туберкулезный процесс в позвоночнике. На него надели гипсовый корсет. Летом велели ехать на юг. Носки и туфли сам он не мог надевать, а потому в подмогу ему я послала вместе с ним сына моего от первого мужа, Гаррика, которому было тогда десять лет. Поехали они тогда в Коктебель к Максиму Волошину¹.

¹ Ходасевич А. И. Воспоминания о В. Ф. Ходасевиче / Вступ. статья и подготовка текста Л. В. Горнунга // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 399. В этих воспоминаниях А. И. Ходасевич указывает, что описанный несчастный случай произошел в «день рождения» Любви Столицы, который, однако, датируется 17/29 июня 1884 г. (см.: Дворникова Л. Я. Послесловие // Столица Любовь. Голос Незримого. Т. I. Стихотворения. Роман в стихах. М., 2013. С. 605), между тем как именины поэтессы приходятся на 17 сентября ст. ст.

Как сплошь и рядом случается в мемуарных свидетельствах, зафиксированных десятилетия спустя после описываемых событий, не все в сообщаемом А. И. Ходасевич достоверно. Десятилетний Эдгар Гренцион (впоследствии выступивший под псевдонимом Э. Гаррик как исполнитель роли Карла XII во второй серии советского исторического фильма «Петр Первый») не сопровождал тогда Ходасевича в Крым, а жил у родственников отца; он появился вместе с Ходасевичем в Коктебеле лишь летом 1917 г.² Ходасевич, выехав из Москвы 4 июня 1916 г. в Симферополь, первоначально собирался обосноваться в Севастополе и лишь потом решил направиться в Коктебель, где поселился на съемной даче В. А. Мурзанова и прожил там целый месяц³. В один из первых дней пребывания в Коктебеле он встретился на пляже с О. Мандельштамом, несколько дней спустя началось его общение с Волошиным и гостями его дома. «Здесь Макс Волошин, конечно, и Мандельштам. Зовут к себе, да мне не хочется. К тому же, люди они ночные, а я пока что ложусь спать в половине десятого», — сообщал Ходасевич М. О. Гершензону 11 июня 1916 г., на что получил энергичный совет в ответном письме (16 июня): «... так как без работы Вы очень скоро соскучитесь, то, чтобы не скучать, напротив, сойдитесь с Макс. Волошиным и его кружком. Он очень хороший и интересный человек»⁴. В результате Ходасе-

² Ср. сообщение в письме Ходасевича к А. И. Ходасевич, отправленном из Коктебеля 2 июня 1917 г.: «...мы приехали в Коктебель. Живы и здоровы. <...> Эдгар в диком восторге. Пра отказалась брать деньги за наш чердак» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 45. Пра — прозвище Е. О. Кириенко-Волошиной, матери М. Волошина).

³ См.: *Шубинский Валерий*. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. М., 2012. С. 215–216.

⁴ Переписка В. Ф. Ходасевича и М. О. Гершензона / Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Инны Андреевой // *De visu*. 1993. № 5. С. 22, 23.

вич внял приглашениям и рекомендациям: с 6 июля 1916 г. он обосновался в доме Волошина. 24 июня он извещал жену: «6-го числа переезжаю к Волошину. Значит, начиная с 1-го, пиши вместо дача Мурзанова — дача Волошина»⁵.

Предпочтение дому Волошина (кстати, для него не гостевого, а оплачиваемого⁶) Ходасевич сделал, видимо, не без сомнений: в данном случае приходилось выбирать между уединенным жилищем дачника на излечении, каким был дом Мурзанова, и становищем литературно-артистической богемы, не гарантировавшим ни житейского, ни тем более творческого спокойствия. Поначалу он был даже раздосадован угрожающей ему перспективой окупиться в безалаберный коллективный быт друзей-поэтов, о чем с юмором и изрядной долей иронии извещал жену:

Тут случилась беда: из-за холмика наехали на нас сперва четыре коровы с ужаснейшими рогами, а потом и хуже того: Мандельштам! Я от него, он за мной, я взбежал на скалу в 100 тысяч метров вышиной. Он туда же. Я ринулся в море — но он настиг меня среди волн. Я был вежлив, но чрезвычайно сух. Он живет у Волошина. С этим ужасом я еще не встречался. Но не боюсь: прикинусь умирающим и объявлю, что люблю одиночество. Я, черт возьми, не богема <... > (7 июня 1916 г.);

⁵ РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 45. Ср.: Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 403. Письма Ходасевича к жене, отправленные из Коктебеля летом 1916 г., составляют событийную основу статьи: Муравьева Ирина. «Счастливый домик»: Владислав Ходасевич, Анна Ходасевич и их переписка // Звезда. 2010. № 11. С. 130–146. См. также: Муравьева И. А. Жизнь Владислава Ходасевича. СПб., 2013. С. 192–219.

⁶ За комнату в доме Волошина Ходасевич заплатил (с 6 июля по 8 августа 1916 г.) 35 р. (см.: Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. С. 403).

«Здесь живет Макс avec son mère, Мандельштам и Шервашидзе, художник. Вижусь с ними мало. Был у Макса вчера, просидел час, днем, конечно. Он тебе кланяется. Удивился, что я без тебя. Вспоминал юные годы» (18 июня 1916 г.)⁷.

Первоначальная настороженность Ходасевича по отношению к волошинскому летнему синклиту легко объяснима — и специфическими особенностями его психологического облика, контрастировавшими с преобладавшими среди коктебельских гостей настроениями житейской беззаботности, и переживаниями, вызванными физическим недугом, и в не меньшей мере переживаниями душевными: самоубийство ближайшего друга, поэта и «заурядвоенного чиновника» С. И. Кисина (Муни), застрелившегося в Минске 22 марта 1916 г., стало для него тяжелейшим ударом, от которого он не мог оправиться долгие годы⁸. И тем не менее Ходасевич решился «перешагнуть черту» — влиться в дружеское сообщество; возможно, и с определенной надеждой сгладить драматизм своей жизненной ситуации. А о том, какой неприужденный, игровой стиль общения установился между насельниками волошинского дома в 1910-е гг., Ходасевич, безусловно, был наслышан еще до своего первого появления в Коктебеле: шутки, розыгрыши, маскарады, мистификации, эпатаж — словом, вся та стихия непредсказуемого артистического поведения, которая была охарактеризована одним словом — «обормотство»⁹.

В 1916 г. с 8 июня по 20 августа в Коктебеле гостила художница Юлия Леонидовна Оболенская, одна из ближайших приятель-

⁷ РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 45.

⁸ См.: *Андреева Инна*. Свидание «у звезды» // Кисин Самуил (Муни). Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем / Издание подготовила Инна Андреева. М., 1999. С. 358–364.

⁹ См.: *Купченко Владимир*. «Стройтесь в роты, обормоты»: Шуточные сонеты М. А. Волошина // Крымский альбом. Феодосия; М., 1998. С. 175–183.

ниц хозяина дома, жившая там ранее в летние месяцы 1913 г.,¹⁰ активная участница многих коктебельских эскапад, автор шуточного венка сонетов («Всевластный Киммерии господин...»), воспевавшего Волошина «среди оборотов ревностного клира»¹¹. В Коктебеле началось ее дружеское общение с Ходасевичем. А в начале второй декады августа к Ходасевичу приехала Анна Ивановна¹². Не менее недели, до отъезда Оболенской в Москву 20 августа, она, Ходасевич и его жена прожили в волошинском доме вместе и, конечно, под воздействием царившей в нем игровой атмосферы. Наглядное отображение этой атмосферы — адресованное уезжающей художнице прощальное приветствие, сочиненное Ходасевичем и Волошиным (пояснение рукой Оболенской: «Шуточный диплом Ю. Оболенской. Авторы: Влад. Ходасевич и Макс. Волошин. 1916 г.») и записанное Ходасевичем¹³:

¹⁰ См.: *Оболенская Юлия*. Из дневника 1913 года // Воспоминания о Максимилиане Волошине / Составление и комментарии В. П. Купченко, З. Д. Давыдова. М., 1990. С. 302–310.

¹¹ См.: *Образ поэта: Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников* / Вступ. статья, составление, подготовка текстов и примечания Владимира Купченко. Феодосия; М., 1997. С. 22–28.

¹² Ходасевич оповестил о ее приезде в Коктебель Б. А. Садовского в письме от 14 августа 1916 г. (Письма В. Ф. Ходасевича Б. А. Садовскому / Послесловие, составление и подготовка текста И. Андреевой. Ann Arbor, Michigan: Ardis, 1983. С. 35). 6 августа А. И. Ходасевич сообщила мужу, что выезжает из Москвы утром 10 августа (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 88), следовательно, прибыла в Феодосию не позднее 12 августа и, скорее всего, в тот же день добралась до Коктебеля.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 67. Большая часть текста этого «диплома» приведена в комментариях И. П. Андреевой, Н. А. Богомолова, И. А. Бочаровой в кн.: *Ходасевич Владислав*. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 630.

Дорогая Юлинька!

Сегодня, в горестный день твоего отъезда, мы, считающие себя твоими ближайшими друзьями, не можем не обратиться к тебе с несколькими словами приветия.

Без тебя будет нам очень грустно. Быть может, кружок наш, который ты так прекрасно объединяла, распадется совсем. Ты помогала нам словом и делом. Ты направляла деятельность нашего общества. Скажем прямо: ты была нашим духовным вождем. В тебе соединялись все качества, отличающие каждого из нас в отдельности. Талантливая, как Щекотихин; начитанная, как Вислоухов; изящная, как Марат-в-ванне; деятельная, как Юра Гусиная Лапа; проворная, как Пудель; задумчивая, как Зайцепес; отважная, как Капар; стройная, как Мария Павловна; красноречивая, как Бабушка Синопли; воспитанная, как г-жа Княжевич; обольстительная, как Джафер; кокетливая, как Елена Юрченко, — ты, тринадцатая, объединившая нас, — была, можно сказать, *Маленьким Мюром и Мерилизом*¹⁴ *Добродетелей*. Это звание мы и просим тебя принять. До свидания! Пиши! Не забывай! Счастливого пути! 20 августа 1916.

Н. Щекотихин	Петр Вислоухов
Σγιοτλί	Княжевич Юра
Марат	Капар Мария Цифракова
Джафер	Елена Юрченко Зайцепёс

К подписям под этим документом Оболенская много лет спустя (20 февраля 1936 г.) сделала пояснения:

Щекотихин
Вислоухов — личности, вымышленные Ходасевичем¹⁵.

¹⁴ «Мюр и Мерилиз» — один из крупнейших универмагов в Москве (в 1907 г. преобразован в паевое товарищество) в пятиэтажном здании на Петровке (д. 2); имел 44 отделения со штатом служащих свыше 1500 человек.

¹⁵ Это указание не соответствует действительности. Среди писем к Волошину сохранилась адресованная ему недатированная открытка: «Шлем привет. Спешим. Н. Щекотихин, П. Вислоухов, Ю. Оболенская» (*Воло-*

«Марат в ванне» — старушка-певица в Коктебеле¹⁶.

«Юра Гусиная Лапа» — молодой человек, грек.

Пудель и Зайцепес — вымышленные демонические существа¹⁷.

Марья Павловна Цефракова — хозяйка столовой¹⁸ (мать «Юры»).

Синопли — владельцы лавочки¹⁹.

Г-жа Княжевич — жена писателя Арцыбашева²⁰.

Капар — лодочник-турок.

Джафар — извозчик.

Елена Юрченко — горничная²¹.

шин Максимилиан. Собрание сочинений. М., 2011. Т. 10. С. 523); имеются сведения о пребывании Н. Щекотихина в Коктебеле с 8 по 26 августа 1916 г. (Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. С. 406, 407). Ныне сведения о Николае Николаевиче Щекотихине (Щекотихине; 1896–1940), в 1910-е гг. студенте Московского университета, затем искусствоведе, авторе книги «Феликс Валлотон» (М., <1918>), историке искусства Белоруссии, дважды арестовывавшемся, собраны в статье: *Соболев А. Л.* На краешке стола (Записки комментатора) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 276–282.

¹⁶ Софья Георгиевна Попова (урожд. Катрухина; ?–1920) — певица, владелица дачи «Отрада» в Коктебеле (с 1902 г.) совместно с Л. Н. Баженовой.

¹⁷ Пудель — одно из коктебельских прозвищ актера Камерного театра Владимира Александровича Соколова (1889–1962), однако сведений о его пребывании в Коктебеле в августе 1916 г. не имеется.

¹⁸ М. П. Цефракова (ум. до 1941) — владелица столовой и морских ванн в Коктебеле в 1913–1919 гг. (Кто был кто в Феодосии и Феодосийском уезде, включая гостей. 1783 – 1-я треть XX в.: Опыт биографического справочника / Сост. В. П. Купченко, Р. П. Хрулёва. М., 2018. С. 633).

¹⁹ Александр Георгиевич Синопли (1879–1943), владелец кафе «Бубны» в Коктебеле в 1913–1919 гг., и его жена Варвара Семеновна Синопли, повар.

²⁰ Елена Ивановна Арцыбашева (урожд. Княжевич), актриса московского театра К. Н. Незлобина.

²¹ Горничная у Е. О. Кириенко-Волошиной в 1916 г.

Расставание четы Ходасевичей с Оболенской послужило поводом для продолжения общения посредством переписки — но не банально-информативной, а в том же коктебельском маскарадно-юмористическом стиле. «Обормотские» эскапады продолжились в эпистолярном варианте. К письмам Ходасевича к ней, отправленным в Москву из Коктебеля, Оболенская впоследствии дала разъяснение: «Шуточная переписка В. Ф. Ходасевича с Ю. Л. Оболенской (после отъезда Ю. Оболенской из Коктебеля условились считать, что уехала не она, а Анна Ив<ановна> Ходасевич, а Оболенская осталась с Ходасевичем. Письма обращены к Анне Ивановне)»²². К мистификации подключился и М. А. Волошин; 3 сентября он отослал Оболенской письмо, начинавшееся словами: «Многоуважаемая Анна Ивановна, Вы были совершенно правы: после Вашего отъезда начались чудеса в мастерской», — далее описывались разные небылицы и в дополнение к ним сообщалось: «Юлия Леонидовна так удачно держится Вами, что никто еще не заметил подмены. <...> Ходасевич опять без Вас мается и ждет ежедневно писем и почталиона»²³. Сам же Ходасевич положил начало этой нетривиальной переписке уже на следующий день после отъезда Оболенской (отправлено письмо, судя по почтовому штемпелю, 23 августа):

Коктебель, 21 авг<уста> 916. Вечер.
Милая Нюра!

Вот уже второй день я без тебя. Очень соскучился, — особенно надоела мне Юлия Леонидовна. И зачем ты с ней поменялась! Не надо было.

Она по-прежнему нестерпима. <3 строки вымарано> Злитя все время: ревнует меня к каждой девушке. Просто сил нет.

²² РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 67. Приводимые ниже письма Ходасевича к Ю. Л. Оболенской хранятся под тем же шифром.

²³ Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. Т. 10. С. 519.

<4 строки вымарано>

В Коктебеле неладно: стали пропадать вещи. Это, конечно, ее рук дело. Еще до твоего приезда я это за ней заметил: у меня — деньги, книги, 2 носовых платка, у Пра — сахар, у М. А. — краски. Он ругает меня за то, что я допустил вашу мену. Говорит, что ждал с нетерпением ее отъезда — и вот, на тебе: застряла. Ну, довольно: такая особа не стоит того, чтобы о ней долго разговаривать.

Вот тебе поручения:

1) Позвони к Конст<антину> Абрам<овичу> Липскерову и узнай у него адрес Парнок²⁴: мне нужно. Телеф<он> Липскерова — 2-21-74, в квартире.

2) Сейчас же верни мне мои зеленые брюки: ты нечаянно уложила их со своими вещами.

3) Заплати за электричество: за нами накопилось рублей 30. Плати, брат, коли взялся за гуж. А 1-го числа не забудь заплатить за квартиру и Фросе жалованье.

Спасибо за открытку. Ю. Л., конечно, отняла ее и разорвала, ибо взревновала меня к нарисованным купальщицам. Ну, ты знаешь ее стиль, — поймешь, что́ было.

Если увидишь Екатерину Ивановну²⁵, поклонись ей от меня, но ничего не говори про дочку. Не надо ее лишний раз огорчать. Она все сама знает. Нельзя не преклониться перед ее молчаливым страданием.

Будь здорова. Целую крепко.

Твой Владислав.

Фед<ору> Конст<антиновичу>²⁶ жму руку. Ю. Л. здесь распускает про него самые гнусные сплетни. Какая гадость!

²⁴ Поэт, переводчик, драматург К. А. Липскеров (1889–1954) и поэтесса, литературный критик София Яковлевна Парнок (наст. фам. Парнох; псевдоним Андрей Полянин; 1885–1932).

²⁵ Е. И. Оболенская (1852 – ок. 1922) — мать Ю. Л. Оболенской; гостила вместе с нею в 1916 г. в Коктебеле.

²⁶ Ф. К. Радецкий (1873 – ок. 1943) — юрист, чиновник особых поручений при Министерстве финансов; близкий друг Оболенских.

Как это, так и следующее письмо Ходасевича, ответное на письмо Оболенской под маской А. И. Ходасевич (которое не выявлено), включает, по всей видимости, помимо игрового содержания, также вполне реальные и конкретные сообщения и просьбы:

Коктебель, 2 сент<ября> 916.

Милая Нюра,

спасибо за исполненные поручения. Насчет теплого пальто — не одобряю, но уж теперь поздно. Береги его, по крайней мере. Красные чулки — вздор: ты не какая-нибудь Юлия Леонидовна, чтобы прибегать к таким грубым способам действовать на воображение старых развратников. Это она здесь ходит в штанах и босиком. Тебе все это не к лицу. Ты женщина из общества.

Напрасно ты меня к ней ревнуешь. Ты, вероятно, забыла ее — а то бы этого не говорила.

Я здоров, жив, кое-что даже стал пописывать. Еще раз большое тебе спасибо за то, что узнала адрес Парнок.

Ю. Л. здесь распускает слухи, что ты «бежала» с Федором Константиновичем. Стиль!..

Да, что за вздор ты пишешь про мои «привычки»? Вот пожила бы ты с Ю. Л.! Она по<...> <2 строки вымарано> К чему тебе лечить волосы? Какие ни есть — а лучше, чем мочало Юлии Леонидовны.

В день моего приезда (17-го) приготовь мне ужин. Помни: плавающего и растущего я не ем. Кстати: м<ожет> б<ыть>, Ю. Л. могла бы нам заменить Фросю? (Ведь ей своей мазней не прокормиться — сделаем доброе дело). К столу, конечно, пускать ее неудобно, открывать гостям двери — тоже. Но на кухне она была бы терпима. Как думаешь? Напиши.

Какая канарейка у Большакова?²⁷ Не помню.

Ю. Л. получила от Кандаурова²⁸ (есть такой испитой чиновник) просьбы прислать картины для Мира Искусства. Рада до неприли-

²⁷ Поэт и прозаик Константин Аристархович Большаков (1895–1938).

чия. Бегала хвастаться к князю Орбелиани²⁹. Они очень спелись здесь. Что-то мажет. Вероятно, на днях пошлет.

Прощай. Пиши. Целую.

Владислав.

Разыщи Елену Юрченко и передай прилагаемое письмо. Прочти: вот глупая баба! Хотя кое в чем права. Ну — ты все поймешь.

Далее в мистификацию вовлекается еще один участник: адресат письма — Ф. К. Радецкий под маской коктебельской горничной Елены Юрченко:

Елена!

Вы меня спутали с Ф. К. Радецким: это он Вас целовал. Ваша юбка у Юлии Леонидовны. (Стриженой).

Не волнуйтесь и не расстраивайтесь. Если будет ребенок — взыщем с Радецкого содержание. Я вам это устрою. Не люблю я таких «господ». Своих ему мало? Тьфу!

Влад. Ходасевич.

Вашего Джафера призывали, но отпустили³⁰.

Эпистолярный маскарад прекратился с отъездом Ходасевичей из Коктебеля; видимо, лицедейская энергия, излучавшаяся домом Волошина и его обитателями, утрачивала свою силу в отдалении

²⁸ Константин Васильевич Кандауров (1865–1930) — театральный художник, осветитель Малого театра в Москве, организатор художественных выставок; близкий друг Волошина и Оболенской.

²⁹ Вероятно, имеется в виду один из сыновей председателя Коктебельского общества благоустройства Константина Яковлевича Орбелиани (1849–1915) — Константин Константинович (Котя; 1901–1947) или Георгий Константинович (Жорж; 1903 – ок. 1950) (согласно справке из архива В. П. Купченко).

³⁰ Речь идет о призыве на военную службу. Летом 1916 г. сам Ходасевич подлежал военному призыву, но получил белый билет (см.: *Муравьева Ирина*. «Счастливым домик»: Владислав Ходасевич, Анна Ходасевич и их переписка. С. 138, 146).

от «киммерийских Афин». На обратном пути в Москву Ходасевич отправил Оболенской следующее краткое послание на открытке:

Феодосия, 24 сент<ября> 916.

Милая Юлия Леонидовна, я надеюсь, что все наши недоразумения кончены, и с тех пор, как Анна Ивановна водворена на место, — мы снова друзья. Простите, что не позвонил к Вам: проклятый флюс только что прошел. Во вторник³¹, вероятно, буду в Москве. Привет Вашей маме и Федору Константиновичу. Приходите чай пить. Ваши кланяются. Марат резвится.

Владислав Ходасевич.

19 октября 1916 г. Ходасевич писал Волошину из Москвы: «Я, кажется, пока что побиваю все рекорды трудоспособности»³² — и перечислял далее то, что уже успел сделать: стихотворный перевод, статьи, перевод из Стендаля, рецензии. Пребывание в Коктебеле наверняка способствовало этому взлету творческой активности. Летом следующего года Ходасевич вновь объявился в доме Волошина.

³¹ 27 сентября.

³² Ходасевич Владислав. Собрание сочинений.: В 4 т. Т. 4. С. 406.